

Гдѣ я въ лобзанняхъ утопалъ,
И ложе то, гдѣ я...—и съ нею,
И съ этой мачехой лежалъ!

Въ лѣсахъ, изгнанникъ своевольный,
Двумя жидами принять я:
Одинъ—властями недовольный
Купецъ, обманщикъ и судья;
Другой—служитель Аарона,
Ревнитель древняго закона,
Алмазы прежде продавалъ,
Какъ я, изгнанникъ, бѣденъ сталъ;
Какъ я, искалъ по міру счастья,
Бродяга пасмурный, скупой
На деньги, на ударъ; лихой
На поцѣлуи сладострастья;
Но скрытенъ, недовѣрчивъ, глухъ
Для всякихъ просьбъ, какъ адскій духъ..
Придетъ ли ночь и мракъ печальный—

Идемъ къ дорогѣ столбовой;
Тамъ изъ страны пробѣжй дальной
Летитъ на тройкѣ почтовой.
Раздался выстрѣлъ. Съ быстротой
Свинецъ промчался непомѣрной,—
Ударъ губительный и вѣрный!..
Съ обезображеннымъ лицомъ
Упалъ ямщикъ! Помчались кони!
И рѣдко лишь ударъ погони
Ихъ не достигнетъ за лѣскомъ.

Разъ—подозрительна, блѣдна
Катилась на небѣ луна.
Вблизи дороги, передъ нами
Лежалъ застрѣленный пришлецъ.
О, какъ ужасенъ былъ мертвецъ
Съ окровавленными глазами!
Смотрю... лицо знакомо мнѣ..
Кого жъ при трепетной лунѣ
Я узнаю... великій Боже!

Я узнаю его... кого же?
Кто сей погубленный пришлецъ?
Кому же роется могила?
На чьихъ сѣдинахъ кровь застыла?
О!... други!... Это мой отецъ!..
Я ослабѣлъ, упалъ на землю;
Когда жъ потомъ очнулся, внемлю:
Стучать... жидовскій разговоръ.
Гляжу: сырой еще бугоръ..
Надъ нимъ лежитъ топоръ съ лопатой,
И конь привязанъ подъ дубкомъ,
И два жиды считаютъ злато
Передъ разложеннымъ костромъ...

Промчались дни, на дно рѣчное
Одинъ товарищъ мой нырнулъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ утонулъ,
Пошло житье-бытье плохое:
Приему не было въ корчмахъ,
Жить было негдѣ—отовсюду
Гоняли наглаго Іуду.

*) Точки въ рукописи.

Въ далекихъ дебряхъ и лѣсахъ
Мы укрывались. Безъ страха
Не могъ я спать: мечтались мнѣ
Остроги пытки въ черномъ снѣ,
То петля гладкая, то плаха!

Исчезли средства прокормленья.
Одно осталось: зажигать
Дома господскіе, селенья
И въ суматохѣ проживать.
Среди снѣдающихъ пожаровъ
И домъ родимый запылалъ;
Я весь горѣлъ и трепеталъ,
Какъ въ шумѣ громовыхъ ударовъ.
Вдругъ вижу: раздраженный жидъ
Младую женщину тащитъ.
Ея запиты обгорѣли
И шелкъ каштановыхъ волосъ:
И очи полны, полны слезъ
На похитителя смотрѣли.
Я не слыхалъ его угрозъ,
Я не слыхалъ ея моленій;
И ужъ въ груди ея торчалъ
Кинжалъ, друзья мои, кинжалъ!..
Увы! дрожать ея колѣни,
Она блѣднѣе стала тѣни,
И перси кровью облились,
И недосказанныя пени
Съ устъ посинѣлыхъ пронеслись.

Пришло Іудѣ наказанье:
Онъ въ ту же самую весну
Повѣшенъ мною на сосну,
На пищу вранамъ. Состраданья
Послѣдній годъ меня лишилъ.
Когда жъ я снова посѣтилъ
Родныя, мрачныя стремнины,
Лѣса и рѣчки, и долины,
Столь крѣпко вѣдомыя мнѣ,—
То я увидѣлъ: на соснѣ
Виситъ скелетъ полуистлѣвшій,
Изъ глазъ посыпался песокъ,
И коршунъ, тутъ же отлѣтѣвшій,
Тащилъ руки его кусокъ...

Бѣгутъ года, умчалась младость,
Остыли чувства, сердца радость
Прошла. Молчить въ груди моей
Порывъ болѣзненныхъ страстей.
Одни холодные остатки,
Несчастной жизни отпечатки:
Любовь къ свободѣ золотой
Мнѣ сохранилъ мой жребій чудный.
Старикъ преступный, безразсудный,
Я всѣмъ далекъ, я всѣмъ чужой.
Но жаръ подавленный огнется,
Когда за волюшку мою,
Въ кругу удалыхъ, приведется,
Что чашу полную налью.
Поминки юности забвенной
Прославлю я, и шумъ крамоль—
И ножъ мой, ножъ окровавленный
Воткну, смѣясь, въ дубовый столъ!